

ВѢРА ИНБЕРЪ

INBER

32

„РЕСНАЛ'НОЕ ВИНО“

ПЕЧАЛЬНОЕ
ВИНО,

5/a v 4538.7.29

72*1

Slav 4538.7.29

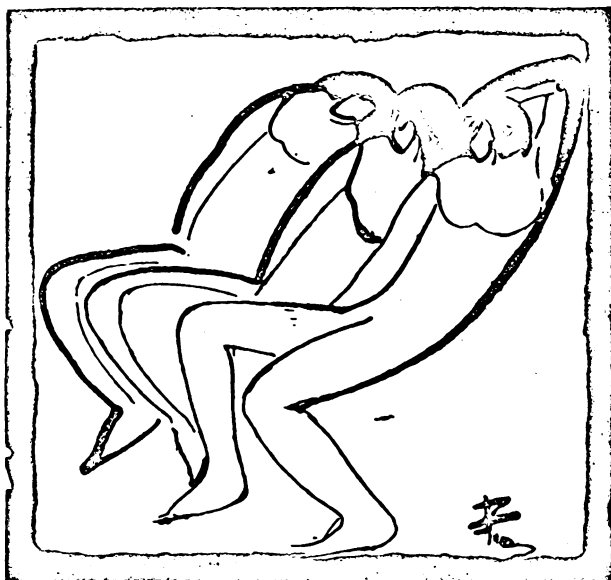
✓

Заставки и обложка работы Ж. Цадкина.
Печатано въ типографии И. Рираховскаго
50, Boulevard Saint-Jacques, — Paris. 1914.

ВЪ СЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

КРУГЛЫЙ ПОРТРЕТЪ.

Моя душа, давно, была маркизой.
Она любила тонкіе духи,
Улыбки, маскарады, менуэты.
Ей повѣряли томные секреты
И посвящали звучные стихи.

Она носила блѣдные атласы,
А въ локонахъ — большіе жемчуга.
Она любила тайну, точно сказку,
И часто надѣвала плащъ и маску,
И въ алой туфелькѣ была ея нога.

Она жила въ жеманномъ, пышномъ вѣкѣ,
Когда былъ нѣжно-тонокъ самъ порокъ.
Съ нея писали круглые портреты,
Въ нее влюблялись принцы и поэты,
Король и пажъ, философъ и игрокъ...

Вотъ почему теперь, черезъ столѣтя,
Родившись средь иныхъ уже людей,
Я думаю порой, что я чужая,
Что суждена мнѣ жизнь совсѣмъ другая,
И всѣ мечты я посвящаю ей.

Вотъ почему люблю я грѣхъ и счастье,
Плыву въ любви, какъ въ лунной полосѣ.
Я грезами одѣта, точно ризой.
Моя душа, давно, была маркизой,
Вотъ почему я не живу, какъ всѣ.

Июль 1910 г.

ВОСТОКЪ.

Я на Востокъ была лишь разъ, была лишь разъ...
Но въ душу мнѣ навѣкъ запали
Его цвѣты, его серали,
Слова молитвъ, острѣе стали,
И страсть восточныхъ глазъ.
Я помню ночь на бархатной водѣ,
Безлюдный, заколдованный Босфоръ,
И свѣтъ луны, зеленый, какъ нигдѣ,
Я помню до сихъ поръ.
Фонтанъ, поющій о любви въ бреду,
Духи, полупрозрачные покровы,
Ковры и лѣстницы, лампы и альковы,
И кипарисы, черные какъ вдовы,
И на бананѣ спящій какаду.
Я въ красныхъ туфляхъ, въ желтомъ покрывалѣ,
Иду черезъ сады въ условный часъ.
Стѣна изъ блѣдныхъ розъ благоухаетъ,
И каждый вѣнчикъ отъ росы сверкаетъ,
Какъ горсть опаловъ, брошенныхъ въ атласъ.
Чадру мою, желтѣй цвѣточной пыли,
Покрылъ опавшій персиковый цвѣтъ.
И я иду, иду, не забывая,
Что я подъ покрываломъ вся нагая,

Что я твоя рабыня молодая,
Что безъ тебя, султанъ, мнѣ жизни нѣтъ.
Ты приказалъ, и мигомъ скрылась стража.
Лишь ты и я средь сказочныхъ дорогъ.
Найдя тебя, я сброшу покрывало,
Возьму твое павлинье опахало
И лягу у твоихъ прекрасныхъ смуглыхъ ногъ.

Москва.
Октябрь 1910 г.

ОСЕНЬ.

Двѣ царевны, блѣдны, русы,
У воды лежать.
Ихъ кокошники и бусы,
Точно отблески Жаръ-Птицы.
Опустивъ свои рѣсницы,
Двѣ царевны будто спятъ.
Мѣсяцъ, желтый и убогій,
Видитъ на рыбацъей лодкѣ
Паруса лоскутъ.
И въ его ущербномъ, рогѣ
Тусклый свѣтъ, больной и кроткій.
И, какъ траурныя дроги,
Облака ползутъ.
Осень, снявъ вѣнокъ и платье,
Подобравъ косу гребенкой,
Плещется чутъ слышно у скалы.
Ожерелье изъ рябины
Набираетъ клочья тины.
На локтяхъ, какъ у ребенка,
Острые углы.
Въ красныхъ оползняхъ обрыва
Погибаетъ чья-то дача.
Внизъ сползаютъ терпѣливо
И дорожки, и куртины.
А на мѣсяцъ странно смотрять
Георгины.

СКАЗКИ.

Закройте крѣпко-крѣпко ваши глазки.
Къ намъ не придетъ никто.
Я помню, вы всегда любили сказки.
Лежите тихо, только не засните:
Я расскажу вамъ, сколько захотите, —
Пятнадцать, двадцать, сто...

Я расскажу вамъ объ одной лужайкѣ
Съ цвѣтами въ длинный рядъ.
Тамъ росъ тюльпанъ и все мечталъ о чайкѣ,
Въ которую влюбился изъ каприза,
Лишь по рассказамъ утренняго бриза,
Проникнувшего въ садъ.

Я расскажу, какъ черный конь шахматный
Разбился о паркетъ;
Какъ, положивъ бѣднягу въ гробикъ ватный,
Его похоронили ночью мыши
Въ буфетномъ ящикѣ, въ уютной нишѣ,
И замели свой слѣдъ.

Я расскажу вамъ про лѣсную эльфу,
Похожую на васъ.
Она была сестрой одной наяды.

Она носила странные наряды:
Росу и лунный газъ.
Та эльфа въ листьяхъ засыпаетъ
Совсѣмъ, какъ вы теперь.
Какъ тихо. Насъ никто не знаетъ.
Не скрипнетъ дверь:
У эльфы... спите... спи спокойно,
И въ этой тишинѣ
Пусть всѣ мои слова и сказки
Придутъ къ тебѣ во снѣ.

Мартъ 1911 г.

И У МЕНЯ ЕСТЬ САДЪ.

Красивые стихи рождаются не часто,
Какъ очень рѣдкіе и странные цвѣты...

Прекрасный принцъ владѣтъ дивнымъ садомъ,
Гдѣ рдѣютъ розы рѣдкой красоты.
Онъ ихъ не устаиваетъ взглядомъ.
Всегда онъ тихъ, и холодень, и нѣмъ.
Гвоздики вянуть съ лиліями рядомъ,
Не будучи замѣчены никѣмъ.
Миндаля нѣжный и прелестный цвѣтъ
Принцъ не втыкаетъ въ бархатный беретъ.
Къ вербенѣ равнодушенъ онъ, какъ воинъ.
И ландышъ, свѣжій, точно жизнь въ пятнадцать
лѣтъ,

Его гостиныя украсить не достоинъ.
Но если разъ въ году, и рѣже иногда,
Распустится цвѣтокъ, почти-что черный,
Распустится цвѣтокъ, совсѣмъ другой, чѣмъ всѣ,
Тогда красивый принцъ, весь блѣдный, весь въ ростъ,
Любуется имъ жадно и упорно,
И лишь съ разсвѣтомъ пепельно-неяснымъ
Его уносить подъ плащомъ атласнымъ;
Цѣлуетъ такъ, какъ женщину ни разу,
И опускаетъ въ бронзовую вазу.

И принцъ за этотъ чувственный цвѣтокъ,
Что воплотилъ въ себѣ плѣнительныя грезы,
И тонкій умъ, и женственный порокъ,
Готовъ отдать и ландышей потокъ,
И бѣлыя, и кремовыя розы.
Я тоже блѣдный принцъ, и у меня есть садъ,
И фантастичнѣе, и ярче, и свѣжѣе,
Гдѣ только я, и болѣе никто,
Брожу въ тѣни таинственной аллеи.
Я тоже принцъ, и у меня есть садъ,
Но въ немъ такъ рѣдки орхидеи.

Май 1911 г.

ДО СВИДАНИЯ, ЛУНА.

До свиданья, луна. До свиданья, до завтра...
А теперь я останусь одна.
Буду бѣгать, смѣяться и пѣть.
Въ небѣ, синемъ до самаго дна,
Будутъ звѣзды висѣть.
Думать хочется сразу о многомъ:
О княжнѣ, что сидѣла вчера на пескѣ
Съ полосатымъ коричневымъ догомъ;
Объ одномъ человѣкѣ, который меня разлюбилъ.
И уѣхалъ. И по свѣту бродить.
А теперь онъ влюбленъ въ бѣлый Ниль.
Даже письма къ нему не доходятъ.
До свиданья, луна...
Ты скользишь, какъ большой свѣтлячекъ.
Ты свѣтлякъ. Нѣтъ, не то.
Ты похожа на Золушку.
У тебя голубое манто,
И серебряный свой башмачекъ
Ты на праздникъ звѣздъ потеряла.
И все время его ты искала.
Оттого ты такъ сильно блѣдна,
Оттого ты устала.

Башмачекъ соскользнулъ у тебя посреди котильона.
Какъ его среди тысячи звѣздъ отыскать?
И, тоскуя, уходишь ты спать,
Молодая Луна-Сандрильона.
Я же лягу въ глубокой гамакъ,
И стихи мнѣ приснятся изъ луннаго кружева.
Или пусть мнѣ привидится Югъ на яву.
До свиданья, луна. До свиданья, ау!..
Ты послѣдній свой лучъ уронила въ траву,
А потомъ утомленно и тихо ушла,
И серебряной туфельки ты не нашла.

Юль 1911 г.

ЧАРОВАТЕЛЬ.

ТУМАНЪ.

Не являлись ко мнѣ никогда золотистые бреды.
Не видала я сновъ, сребротканныхъ, какъ вишня весной.
Но, однажды, въ Парижѣ, подъ каменной Аркой Побѣды,
Я увидѣла греческій профиль смѣющейся Леды,
И теперь онъ навѣки со мной.
Въ свѣтло-синемъ мерцаньи январьскаго пятаго часа
Продащица цвѣтовъ наклонилась надъ вѣткой мимозъ.
Я спросила: «А ландыши есть? Или рано?»
И отъ взгляда цвѣточницы, въ трепетной дымкѣ тумана,
Я забыла свой скромный вопросъ.
Изумительный лебедь держалъ терпѣливо плетенку,
Гдѣ лежали цвѣты для продажи въ Булонскомъ лѣсу.
Обернувши вокругъ шеи свою золотую косу,
Леда мнѣ протянула цвѣты, какъ большому ребенку.
Я пошла, задрожавъ, и услышала радостный смѣхъ.
И туманъ серебрилъ мой пушистый коричневый мѣхъ.

Парижъ.
Декабрь 1911 г.

У АНТИКВАРА.

И послѣ смерти длится чара:
Твоей судьбы утерянъ слѣдъ,
Но въ темной лавкѣ антиквара
Лежить твой сломанный лорнетъ.

На тонкой ручкѣ монограммы,
Короны герцогской края.
И я ужъ вижу руку дамы,
Прожившей сказочнѣй, чѣмъ я.

Тебѣ, заснувшая во прахѣ,
Не страшно смерти остріе:
Въ пластинкахъ тонкихъ черепахи
Лежить безсмертіе твое.

И, можетъ быть, въ Тридцатомъ Вѣкѣ
Передъ картинами Ватто,
Въ одной изъ залъ Пинакотеки,
Не остановится никто.

Но въ зимній красный часъ заката,
Въ забытой лавкѣ чудака,
Подростка, мнѣ роднѣе брата,
Охватить томная тоска.

И мальчикъ, за спиною мамы,
Возьметъ запыленный лорнетъ
И вспомнить взгляды старинной дамы
И давней жизни нѣжный слѣдъ.

ФОБУРГЪ.

Въ осеннемъ небѣ блѣдный рогъ луны,
И улицы тихи, какъ горныя ущелья.
Въ мой лучшій часъ вечерняго бездѣлья
Осеннія деревья-колдуны,
Какъ будто мглой сиреневой полны.
Пѣвецъ-поэтъ, за поворотомъ дальнимъ,
Поетъ о «бѣдной маленькой Нана».
Далекій молотъ бьетъ по наковальнѣ,
И дѣтскій профиль виденъ изъ окна.
Какой-то дворъ, мощный и квадратный.
Въ тѣни навѣса одинокій конь.
И тонко смотритъ мѣсяцъ благодатный
На низкій домъ, гдѣ не зажженъ огонь.
Иду... Иду... Удары все слышнѣе,
И сталь кричитъ сиреною больной.
Рабочіе смыкаются плотнѣе
И, ласково и зло, слѣдятъ за мной.
Одинъ изъ нихъ мнѣ крикнулъ комплиментъ,
Другіе засмѣялись, но не громко.
Недлинный лучъ, желтѣе, чѣмъ соломка,
Упалъ изъ кузницы въ мое боа изъ лентъ.
И вечеръ тихо шелъ съ Большихъ Бульваровъ.
И эхо просыпалось отъ ударовъ.

УКРОТИТЕЛЬНИЦА.

Запахъ духовъ и собакъ, и ритмическій вальсъ на аренѣ,
Разбитый бинокль на полу, и обрывки узды.
Плакаты, синѣ рѣки и желтѣ абсента.
На Вашемъ открытомъ плечѣ одноцвѣтная лента,
И Ваши рѣсницы длиннѣй, чѣмъ у лѣтней звѣзды.
Все молчить. Акробаты, покрытые пудрой,
Въ сумасшедшихъ наклонѣхъ лежать, и висятъ, и летятъ.
И отъ Васъ, отъ моей дорогой, отъ моей златокудрой,
Ночь томить, какъ ненайденный кладъ.
Вы рассказовъ моихъ не прочли, не разрѣзали.
Я себѣ говорилъ, что дарить Вамъ не надо
Рассказовъ моихъ объ одномъ ассирійскомъ царѣ.
Вы сегодня въ зеленомъ, какъ въ церкви лампада,
Какъ весна на высокой горѣ.
Этотъ вальсъ, какъ разсыпанный бисеръ по лѣстницѣ.
Онъ течетъ и журчитъ, заглушая, больного, меня.
Ваши серьги звенятъ, Ваши длинные серьги-кудесницы,
И колдуютъ, колдуютъ, звеня.
Желтый львенокъ готовъ, съ хризантемой у гривы.
Вы дрожите отъ вальса. А я?
Вы такъ злы, и нервны, и сильны, и красивы.
Почему Вы молчите, моя?

Парижъ.
Февраль 1912 г.

ДЕБЮТЪ.

Приливъ толпы былъ слышенъ ясно
Въ уборной маленькихъ актрисъ.
Я завязала бантъ атласный
На парикъ англійской миссъ.

Запѣла радостно и полно
Въ оркестръ мѣдная труба.
Въ какія трепетныя волны
Меня забросила судьба?

Сейчасъ себя я не узнала-бъ
Въ короткомъ платьѣ *travesti*.
Но не хочу я позднихъ жалобъ
И не могу себя спасти.

МАЛЬЧИКЪ СО СКРИПКОЙ.

Гдѣ онъ днемъ — я не знаю. Гдѣ ночью — не знаю.
Онъ приходитъ лишь вечеромъ, въ восемь часовъ,
Въ развращенный и шумный оркестръ театральный
И играетъ на скрипкѣ то вальсъ безпечальный,
То тягучій романсъ для пѣвцовъ.

Онъ играетъ на память и смотритъ на сцену.
Въ свѣтѣ лампочки, согнутой къ нотной доскѣ,
Можно видѣть въ бинокль даже синюю вену
На его полудѣтскомъ вискѣ.

А въ антрактѣ, когда продаютъ апельсины,
Онъ читаетъ какой-то бульварный романъ,
Пока съ потолка для програмной картины
Опускается бѣлый экранъ.

И когда уже дымно отъ люстры до пола,
И за стѣнами Полночь съ алмазнымъ ключемъ,
Этотъ мальчикъ въ оркестрѣ пикируетъ solo
Для мулатки съ атласнымъ плечомъ.

Отъ блестящихъ лиловыхъ чулокъ шансонетки,
Отъ ея удлиненныхъ искусственно глазъ,
Проплываютъ и таютъ огнистыя сѣтки,
Рампа меркнетъ, какъ дымный топазъ.

И отъ вишенъ въ спирту, и отъ музыки острой,
И отъ взглядовъ любовника, рядомъ со мной,
Я въ гипнозѣ, какъ будто бы самъ Калиостро
Наклонился, дрожа, надо мной.

И тогда улыбается мальчикъ со скрипкой,
Расцвѣтаетъ, впиваетъ фальшивый напѣвъ,
Легкій бѣгъ акробата, движенья, улыбки,
Шопотъ женщинъ и вздохъ полудѣвъ.

Парижъ.
Январь 1913 г.

CINÉMA.

Ваши руки пахнутъ апельсиномъ.
На экранѣ — дальніе края.
И въ пути, волнующемъ и длинномъ,
Всюду вмѣстѣ, всюду вы и я.
Въ первый разъ я вижу воды Нила.
Какъ великъ онъ, дивенъ и далекъ!
Знаешь, еслибъ ты меня любила,
Я сгорѣлъ-бы, словно уголекъ.
Свѣтъ и шумъ. Глаза болятъ отъ свѣта...

Черный кофе буду дома пить,
Думая, что вы смѣтаетесь гдѣ-то
И меня не можете любить.

ВЫСТАВКА.

Сѣрое сукно глотаєть смѣхъ неполный.
Плывутъ духи, отдѣльныя слова.
Снаружи небо, синее, какъ волны,
Смываетъ облака, какъ острова.
Оно шумнѣй, шумнѣй, чѣмъ птичья стая,
Синѣе, чѣмъ сапфиръ въ моемъ кольцѣ.
Я шла безъ мыслей, легкая, пустая.
Отъ вѣтра сжалась кожа на лицѣ.
Здѣсь все другое. Отъ иного міра.
Я отдохну отъ уличной весны.
Я вижу рядомъ умнаго жуира,
Въ пальто, рыжѣй ствола сосны.
Я чувствую себя легко, какъ дома.
Мы съ нимъ глядимъ на дѣвочкинъ портретъ.
Мнѣ это личико совсѣмъ знакомо.
Ахъ, это мой ребенокъ въ восемь лѣтъ.
Но черезъ восемь лѣтъ, я буду старой.
Какія платья буду я носить?
И въ тридцать лѣтъ еще найду ли чары,
Чтобъ къ сердцу друга не исчезла нить?
И этотъ день мнѣ будетъ непонятенъ,
Какъ многое изъ прошлаго теперь.
Я вспомню вѣтеръ, много синихъ пятенъ,
И яркое пальто, и въ сукнахъ дверь.

Парижъ.

А Л Л О !

Я и четыре товарки,
Блѣднѣй, чѣмъ испеченный хлѣбъ,
Мы всю ночь сплетаемъ, какъ Парки,
Нити людскихъ судебъ.

Въ высокой круглой залѣ
Сну просторно гулять.
Подруги мои устали,
Лишь мнѣ не хочется спать.

На стѣнахъ цифры и планы,
И, дрожа, какъ почки весной,
Цвѣтутъ огневые тюльпаны,
Не дольше минуты одной.

Какъ шаръ въ билліардной лузѣ,
Задышается ночь въ снѣгу.
И мысли, съ мятьею въ союзѣ,
Бьются въ полночномъ кругу.

Признанья любви и печали
И страсти несдержанный стонъ
Несутъ городскія дали
Въ чуткій мой телефонъ.

И я страдаю, какъ губка,
Пресыщенная горькой волной.
Сердце мое слишкомъ хрупко
Для этой тревоги ночной.

СТАРЫЙ ПРИНЦЪ.

Старый принцъ въ часы осеннихъ ливней
Грезить въ кабинетѣ безъ огня,
Смутно видитъ паркъ свой подъ водой,
Смотритъ вдаль, журналы уроня.
Старый принцъ, уже сѣдой.

Въ блекломъ и холодномъ будуарѣ
Подымаетъ онъ упавшій фризъ
И кладетъ на треснувшій каминъ.
День тоскливъ, угрюмъ и мутно-сизъ.
Старый принцъ одинъ.

Хрипло бьютъ часы пятнадцать разъ.
Сѣрый догъ лежитъ на канапѣ.
Шепчетъ принцъ: «Какъ жарко въ казино...
Только мнѣ, въ стотысячной толпѣ,
Счастье суждено!»

Гложжетъ пальцы давняя подагра,
Нѣтъ сигаръ, и дождь пошелъ опять.
Пенсїи дается такъ немного!
И, согнавъ простуженнаго дога,
Старый принцъ ложится спать.

М Ю С С Э.

Въ сѣромъ цилиндрѣ розовая роза
И бѣлыя перчатки.
У позднего гостя задумчивая поза,
На лбу больныя складки.

Онъ слушаетъ игру на свѣтломъ роялино.
Отъ вѣтра плачутъ свѣчи.
Нагнувшись, онъ не видитъ, что капли стеарина
Летятъ ему на плечи.

Въ открытое окно видна ночная Сена,
Фонарь зелено-красный.
Гость слушаетъ, какъ полонезъ Шопена
Дрожить въ ночи ненастной.

Потомъ встаетъ съ измученнымъ поклономъ,
И медленно уходитъ.
А дома въ кресла падаетъ со стономъ
И съ розы глазъ не сводить.

ВЕРСАЛЬ.

Подражаніе Albert Samaln'y

Закатъ скользитъ коралловымъ туманомъ
Въ задумчивыхъ садахъ,
И Юноша-Весна нагнулся надъ фонтаномъ,
Держа цвѣтокъ въ зубахъ.

Тритоны дуютъ въ бронзовыя трубы,
Сверкая чешуей.
И Юноша-Весна кропитъ цвѣтокъ и губы
Жемчужною струей.

Росистый дернъ на полукругломъ лугѣ
Хранитъ слѣды ступней,
Какъ будто нимфа мчалась тамъ, въ испугѣ,
И старый фавнъ за ней.

Вода фонтана кажется зеленой
Отъ молодыхъ вѣтвей,
И томный Юноша съ лиловой анемоной
Въ водѣ еще нѣжнѣй.

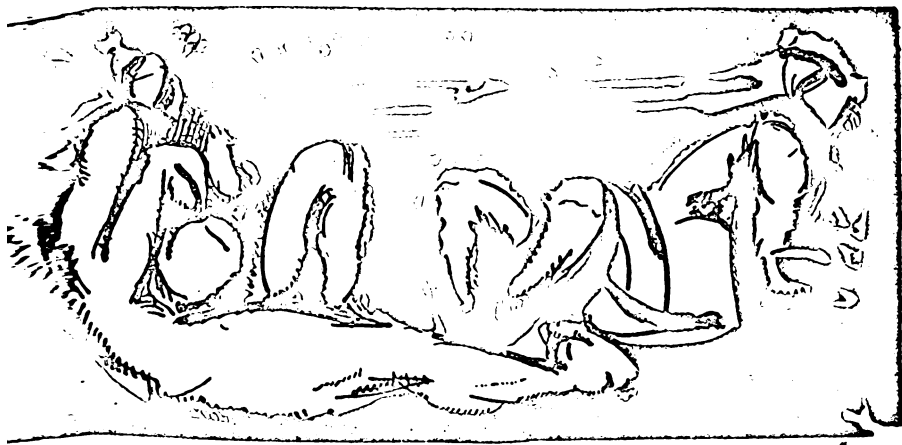
Вдали, усталыя отъ солнца, птицы
Зовутъ свою семью.
И Юноша, сомкнувъ дрожащія рѣсницы,
Ложится на скамью.

РАЗСЫПАННЫЙ БИСЕРЪ.

ХИМЕРА.

Черный лебедь въ красной шапочкѣ
Спитъ въ серебряной водѣ.
У него кольцо на гордой шеѣ,
И оно блеститъ по всей аллеѣ,
Какъ изъ гороскопа тайный знакъ.
Въ томъ кольцѣ есть камень, безъ названья,
Самыхъ призрачныхъ камней невѣрнѣй.
Онъ сверкаетъ на водѣ вечерней,
Точно розовый свѣтлякъ.
Тонкій мѣсяцъ въ небѣ, какъ кувшинка
На остановившейся рѣкѣ.
Въ синемъ блескѣ утопая,
Онъ, какъ буква голубая
На прекрасномъ, но забытомъ языкѣ.
Нити звѣздъ дрожать и обрываются,
Чтобъ упасть къ нему, Ночному Королю.
Мѣсяцъ не глядитъ, не улыбается:

Онъ лишь буква въ звѣздной паутинѣ.
Этой вѣчной буквой начинается
Имя злой и нѣжной герцогини,
Той, которую люблю...
Черный лебедь герцогиней раненъ
Золотой булавкой прямо въ грудь.
Я, больной и нервный парижанинъ,
Въ этомъ паркѣ бесконечно страненъ.
Я хочу проснуться и уснуть.
На головкѣ птицы капоръ алый.
Въ старомъ замкѣ рыцарскій ночлегъ.
Что здѣсь я, капризный и усталый,
И влюбленный въ свой двадцатый вѣкъ?
Я влюбленъ въ него, но боленъ дикой тайной
Ночью, въ часъ и двадцать семь минутъ,
Жизнь моя ломается, какъ пруть.
Страшно-точный, но всегда случайный,
Пажъ въ мѣху является за мной
И киваетъ русой головой.
И тогда я мну свою сигару,
Обрываю вальсъ и комплиментъ.
Я бросаю устрицъ и «Тристана»,
Ручки, сжавшія блестящій край стакана,
И плечо съ петлей изъ мягкихъ лентъ.
Съ бѣлой астрой въ шелковой петлицѣ,
Я лечу на сѣрой хищной птицѣ,
Чтобы дымомъ встать въ большемъ каминѣ,
Или лечь въ саду, какъ тонкій иней,
Возлѣ ногъ любимой герцогини.

Ноябрь 1911 г.

СЕВИЛЬСКАЯ ДАМА.

Молодая гитана плясала для насъ.
Былъ сладостный ритмъ въ ея тѣлѣ.
Мы стояли у оконъ въ отелѣ,
Между пальмъ и японскихъ вазъ.
Говорили ея кастаньеты
Красивѣй, чѣмъ вы, поэты!
Луна, какъ севильская дама,
Надѣла черную шаль.
И площадь волшебнo затмилась,
Но все, что горѣло и билось,
Сдѣлалось острымъ, какъ сталь.
Мы видѣли кольца и серьги,
Зрачекъ, какъ агатъ въ молокѣ.
Все тѣло было черно,
Лишь свѣтились какія то зерна
На оливковой страстной рукѣ.
Я увидѣла взглядъ тирольца.
Онъ стоялъ, почти не дыша,
Онъ слушалъ, какъ пѣли кольца,
Уносясь, звеня, спѣша.
И мой братъ, близорукій и жесткій,
Наклонился съ биноклемъ впередъ.
На безумномъ испанскомъ подросткѣ
Въ темнотѣ танцовали блески,
Какъ огни Понтійскихъ болотъ.

ЧИТАЯ ГАМСУНА.

Я подарилъ ей ручного фазана,
Съ грудью, пестрѣй, чѣмъ коллекція марокъ,
Съ хохломъ густо краснымъ, какъ кожица перца,
Какъ туфли татарскаго хана.
И страсть своего неуютнаго сердца
Вложилъ въ этотъ яркій подарокъ.
Потомъ, услыхавши, какъ голосъ дѣвичій
Сказалъ мнѣ быстрѣй, чѣмъ обычно: «спасибо»,
Пошелъ я обратно, неловкій лѣсничій,
И сѣлъ у рѣчного изгиба.
И долго глядѣлъ на прожилки листа я...
А клѣтка фазана стояла пустая.

М О Р Е

У васъ рубцы на ладоняхъ.
Вы морякъ, и живете въ порту.
Я лишь разъ была на тоняхъ,
Въ прошломъ Великомъ Посту.
Но все время фрейлейнъ Дора
Шептала: «Bleib ruhig, Du!»
И этой весною, скоро,
Я къ морю опять приду.
Я приду одна, на разсвѣтъ,
Когда всѣ еще будутъ спать.
Какъ у папы въ его эполетѣ,
Будетъ въ небѣ звѣзда лежать.
И всю рыбу у васъ куплю я,
Чтобъ вы остались у корабля.
И впервые увижу, ликуя,
Какъ проснутся вода и земля.
Сколько будетъ людей и лодокъ,
И, навѣрное, шумъ и смѣхъ!
Я возьму съ собою свой кодакъ
И сниму и море, и всѣхъ.

Одесса.
Апрѣль 1912 г.

КАВАЛЕРЪ ЛУНЫ.

Выйдежъ мѣсяцъ — Небесный Пьерро...

А. БЛОКЪ.

Если есть колдунъ на свѣтѣ,
Это онъ одинъ:
Мѣсяцъ въ облачной каретѣ
Средь ночныхъ глубинъ.

Слышенъ въ небѣ на разсвѣтѣ
Алый звукъ трубы.
На серебряной каретѣ
Звѣздные гербы.

Мѣсяцъ, тонкій, какъ Онѣгинъ
Въ восемнадцать лѣтъ,
Жестомъ, полнымъ сонной нѣги,
Прячетъ свой лорнетъ.

Таежъ дымная прохлада
Въ перистомъ пути.
Ночь, синѣ винограда,
Думаежъ уйти.

Я, Пьерро, стою у бара,
Кавалеръ Луны.
Пьяный, глупый отъ угара,
Слышу плескъ волны.

Это плещетъ небо утра,
Какъ морской прибой.
Въ облакахъ изъ перламутра
Мѣсяцъ гордъ собой.

Онъ не видитъ и не знаетъ,
Сѣя серебро,
Что у бара умираетъ
Братъ его Пьерро.

ПЕТРОНІЙ.

Неясный свѣтъ, и запахъ цикламены,
И вздохи сна.
Рука, бѣлѣ самой бѣлой пѣны,
Обнажена.
На длинныхъ пальцахъ ногти розоваты
И нѣтъ перстней.
Движенья кисти плавны и крылаты,
И свѣтъ на ней.
Въ рукѣ дощечка съ мягкимъ блѣднымъ воскомъ.
Въ цвѣтахъ окно.
На мраморномъ столѣ, въ сосудѣ плоскомъ,
Дрожить вино.
Зачѣмъ здѣсь я, въ ночи и неодѣта?
И кто со мной?
Библіотека древняго поэта
Полна луной.
Я подхожу, дрожа, къ столу со львами
И говорю:
«Привѣтъ тебѣ... я не знакома съ Вами,
И вся горю!»
Склонившись въ непривычномъ мнѣ поклонѣ,
Я слышу смѣхъ.

Изъ непонятныхъ словъ одно: Петроній —

Яснѣ всѣхъ.

Далекій вѣкъ, другая жизнь и вѣра...

Я говорю:

«Я помѣшала. Ты читалъ Гомера

И ждалъ зарю?»

Въ саду вода лепечетъ монотонно,

Шуршитъ лоза.

Эстетъ и скептикъ смотритъ удивленно

Въ мои глаза.

Р И М Ъ.

П. П. Муратову.

На темный плющъ летятъ цвѣты жасмина,
Какъ крылья мотыльковъ.
Часы текутъ плѣнительно и длинно.
На камнѣ полустертая терцина
Поетъ безъ словъ.

Я уѣзжаю завтра въ край далекій
И не вернусь сюда.
Мой другъ, когда прочтешь ты эти строки,
Преподадутъ мнѣ новые уроки
Иные города.

Но знай, что сердцемъ, поздно или рано,
Съ тобой я буду вновь.
Все будетъ прежнимъ: тихій ходъ тумана,
И древній лепетъ римскаго фонтана,
И мудрая любовь.

И ты, какъ прежде, пальцемъ заостреннымъ
Чертя далекій кругъ,
Разскажешь мнѣ въ тиши о Римѣ сонномъ,
Мой нѣжный другъ.

Варшава.
Сентябрь 1913 г.

О С Е Н Ь .

Въ тяжелой осенней грушѣ
Засахаренъ тонкій ядъ,
И чѣмъ кожура ея суше,
Тѣмъ слаще его аромать.

Въ каминѣ сучья березы
Пылають свѣтлымъ огнемъ.
Тепличныя зябкія розы
Объяты печальнымъ сномъ.

Тихимъ тепломъ согрѣта,
Я жду, чтобы день погасъ.
Я слышу, какъ сердце лѣта
Замираетъ въ предсмертный часъ.

Разрѣзавъ позднюю грушу,
Гляжу, какъ стекаетъ сокъ.
Осень объемлетъ сушу,
И звѣзды, и въ морѣ песокъ.

РАНЫ ВЕРСАЛЯ.

Какъ свита короля во время смотра,
Каштаны въ золотѣ и алыхъ орденахъ.
Въ классическихъ садахъ великаго Ленотра
Осенній день внушаетъ легкій страхъ.

Фонтаны шепчуть длинныя эклоги,
И воздухъ, какъ саксонскій фарфоръ, синь.
Зеленый мохъ ласкаетъ мраморныя ноги
Смѣющихся и плачущихъ богинь.

Но эта красота таитъ больное жало
Для искушенныхъ душъ и изощренныхъ глазъ.
Она внушаетъ имъ, что жить однажды — мало
И что живутъ они не въ первый разъ.

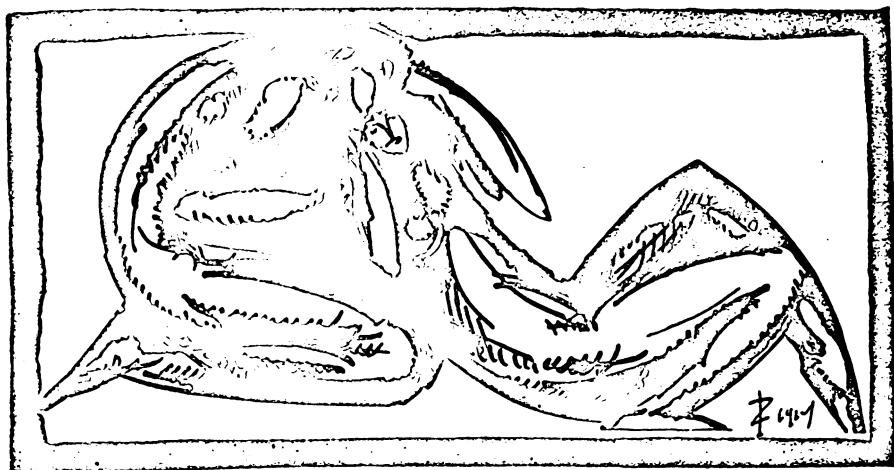
Боишься вникнуть въ ропотъ водныхъ пеней.
Боишься вызвать къ жизни старые года.
И этой тишиной и красотой осенней
Боишься сердце ранить навсегда.

Генуя.
Октябрь 1913 г.

САМОЕ БЛИЗКОЕ

ТРИ СНЪГА.

Не шуми. И уйди. И задерни плотнѣ мой пологъ.
Я хочу помечтать о своей дорогой сторонѣ,
Гдѣ мятельный январь такъ хорошъ, такъ особенно
  дологъ,
И гдѣ ни одна изъ снѣжинокъ не помнить уже обо мнѣ.
Здѣсь весенній туманъ и весенне высокое небо.
Въ небѣ длинныя тучки, острѣе и тоньше ножа.
Вечера здѣсь прозрачны, какъ дни на серебряной Вегѣ.
Какъ здѣсь дико, и трудно, и радостно думать о снѣгѣ,
И о холодѣ грезить, дрожа...
Я упала на снѣгъ. О, не надо ни жара, ни блеска!
Я разсыпала четки на бѣло-зеленомъ снѣгу.
Югъ исчезъ для меня, какъ забытая старая фреска,
И горячія земли остались на томъ берегу.
О, пожалуйста, тише. Ты ходишь такъ твердо и вѣско.
Я еще ни болтать, ни играть, ни смѣяться съ тобой не
могу.

II.

Ты вся, какъ разсвѣтная вьюга,
И сердце у тебя полно снѣга.
Луна стара, какъ щитъ Олега.
Не смотри на нее моя подруга.
Какая печаль и какая нѣга...

Мы возьмемъ легкія лыжи
И пойдемъ на лѣсную дорожку.
Лѣтомъ (какъ странно!) бродили здѣсь мы же
И собирали грибы и морошку.
А теперь мы будемъ, какъ двѣ рыси:
Будемъ осторожны, хищны и дики.
На озерѣ, подо льдомъ, перья и гвоздики,
А надъ соснами — туманныя выси.

Ты молчи. Я все вижу и знаю!
Мы возьмемъ санки и двухъ оленей,
Къ ихъ рогамъ привяжемъ лебединую стаю,
Укроемся бѣлымъ горностаемъ
И очутимся за небеснымъ краемъ.
Колокольчики запоютъ о нашихъ оленяхъ...
Посмотри: у тебя снѣгъ даже на колѣняхъ.

III.

Нату И.

Золотые огни растекаются, никнуть и таютъ.
О, увы! Я зажжечь ихъ опять не могу.
Если мысли твои отъ холодныхъ вѣтровъ умирають,
То мои разгораются ярче на дикомъ снѣгу.
Если милыя мысли твои — средиземныя розы,
И отъ южнаго солнца горять, какъ персидскій коверъ,
То мои... то мои только ломкія вѣтви березы.
Имъ нужны и пороша, и буря, и льдистыя слезы,
И лѣсной темно-красный костеръ.
Я должна ихъ зажжечь, но не солнцемъ, — его я не
знаю, —

А Рождественскимъ свѣтомъ въ заснѣженномъ старомъ
бору.

Здѣсь, отъ этой весны не весной, я почти погибаю,
И среди аккуратныхъ садовъ я боюсь, я боюсь, что умру.

Парижъ.
Январь 1912 г.

«МѢСЯЦЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ».

Ахъ, то былъ вальсъ,
Ахъ, то былъ вальсъ пѣвучій...
Въ саду носилась майская гроза,
И лепетъ струнъ вплетался въ говоръ тучи.
И я пришла послушать твой напѣвъ,
Задумчивый, серебряный и свѣжій,
Какъ смѣхъ навѣкъ плѣненныхъ королевъ,
Который съ каждымъ днемъ звучить все рѣже.
Малиной пахло въ комнатѣ твоей.
Ты блѣденъ былъ, блѣднѣй, чѣмъ мертвый Ленскій.
Смѣялся дождь межъ липовыхъ вѣтвей,
И таялъ вальсъ, старинный, Вѣнскій.
Мнѣ стало сладко жаль бѣленныхъ стѣнъ,
Себя, тебя, своей судьбы невѣрной,
Того, что гаснешь ты, какъ росчеркъ спички сѣрной,
Мой глупый, милый, маленькій кузень.
И я, такая гордая и злая,
Заплакала, какъ плакивала встарь,
Упала на пахучій темный ларь
И тамъ забылась, молніи считая.

ЧЕХОЛЬ.

«Спроси свое милое сердце, спроси свое сердце,
Въ немъ меньше любви, или нѣтъ?»
Такъ пѣлъ онъ. И струны віолы дрожали.
А старыя теткы беззвучно кивали,
Какъ будто предвидя отвѣтъ.
А я, надъ трельяжемъ склонившись, хранила молчанье.
Любовь? Я не знаю любви.
Ни больше, ни меньше: я просто не знаю.
Чехоль для бинокля теперь вышиваю,
И теткы ворчатъ: — Не порви.
Я знаю, что я некрасива. Давно это знаю.
Живу здѣсь, мечты хороня.
Зачѣмъ-же поютъ здѣсь романсы такъ нѣжно?
Живу я тихонько. Живу безмятежно.
А этотъ, красивый, смѣется небрежно,
Какъ будто не видитъ меня.
«Какія прекрасныя очи. Какія рѣсницы у феи.
Какъ ласковъ, какъ нѣженъ привѣтъ.»
Такъ пѣлъ онъ. И желтыя липы внимали,
А старыя дамы упрямо кивали,
Какъ будто отвѣтствуя: — Нѣтъ!

ВЪ ГОСТИНИЦѢ.

Зеркало помнить Островскаго.
Занавѣсъ въ мелкихъ цвѣтахъ.
Кресло, старѣе отцовскаго,
Скоро разсыплется въ прахъ.
Свѣчи, нагнувшись другъ къ другу,
Желты, какъ старыя дѣвы,
Хитро глядятъ на меня.
Я, отославши прислугу,
Слушаю сны и напѣвы,
Сны непогасшаго дня.
Листья на сѣрыхъ обояхъ,
Красный диванъ у окна,
Все мнѣ твердитъ монотонно
Повѣсть о блѣдныхъ герояхъ,
Жившихъ туманно и сонно,
Безъ Золотого Руна.
И, какъ всегда суевѣрная,
Въ печь я гляжу, не мигая,
Руки прижавши къ коври.
Въ пламени зимняго рая
Вижу и знаю навѣрное,
Знаю, что скоро умру..
Стекла такъ остры и колки.
Хлопаетъ вьюшка сильнѣй.
Свѣчи, какъ двѣ богомолки,
Шепчуть о жизни моей.

Москва.
Ноябрь 1912 г.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПРАЗДНИКЪ.

Я радугу вижу въ трюмо своемъ.
Я спѣшу на ночной пикникъ.
Короткіе кудри упали кругомъ
На большой кружевной воротникъ.
Янтарный закатъ съ золотымъ дождемъ
Къ окну моему приникъ.
Я похожа сейчасъ на больного пажу,
Я блѣдна, какъ сотовый медъ.
Но когда я на праздникъ приду, дрожа,
Меня тамъ никто не пойметъ.
Сдѣлавъ изъ толстыхъ пальцевъ щитокъ,
Кузинамъ шепнетъ попадья:
«Скажите, за поясомъ красный цвѣтокъ,
Прическа, какъ послѣ мытья!»
Буду я пить изъ стакана шабли
И ѣсть вишневый пирогъ.
И радуга сникнетъ въ ѣдкой пыли,
Взбитой десятками ногъ.

ЦЫГАНСКИЙ РОМАНСЪ.

Все забуду. Всѣхъ покину.
Сахаръ спрячу для коня.
Въ мѣховую пелерину
Ты закутаешь меня.

И сквозь рыжій мѣхъ лисицы,
Какъ русалка сквозь траву,
Отыщу твои рѣсницы,
Сдую снѣжную канву.

О сукно твоей шинели
Трется лѣвая щека.
Глубже ночь, и снѣгъ тяжеле,
И дорога далека.

Что-то будетъ? Утро встанетъ,
Гдѣ-то насъ найдетъ оно?
Чья рука меня поранить?
Чей бокалъ прольетъ вино?

НАКОЛКА.

Надъ чашкой зеленаго чая
Стелется легкій паръ.
Какъ чувствуетъ прелесть мая
Тоть, кто становится старъ...

Сумерки синимъ туманомъ
Плывутъ въ переулокъ и въ садъ.
Я одна со старымъ планомъ
И гляжу далеко назадъ.

Бумага въ изгибахъ сломалась,
Рисунокъ поблекъ, какъ зола,
Но это все, что осталось
Отъ дома, гдѣ я жила.

Вотъ здѣсь былъ залъ съ каминомъ,
Съ балкономъ во всю длину.
Тамъ я прощалась съ сыномъ,
Когда онъ шелъ на войну.

Въ сочельникъ въ круглой диванной
Я клялась въ любви жениху,
Одѣтая польской панной,
Въ шапкѣ на бѣломъ пуху.

А теперь я ношу наколку.
Оконченъ земной романъ.
И, вздохнувъ, я кладу на полку
Изорванный старый планъ.

Castagnola.
Сентябрь 1913 г.

МОЯ ДѢВОЧКА.

Жаннѣ.

Мы повѣсимъ нашу писанку
Рядомъ съ папинымъ ружьемъ.
Мы съ собой уложимъ кисаньку.
Будетъ намъ тепло втроемъ.

Чижъ долбитъ сердито жердочку,
Точно клѣтка коротка.
Кошка высунула мордочку
Изъ подъ теплаго платка.

«Завтра, значить, будетъ праздниться?»

— Праздникъ, Жанна, говорятъ.

«Все равно, какая разница?

Лишь-бы дали шеколадъ».

— Будетъ все, мой мальчикъ маленькій.

Будетъ даже дѣтскій балъ.

Знаешь, поваръ въ старой валенкѣ

Утромъ мышку увидалъ!

«Мама, ты всегда проказница:

Я не мальчикъ. Я же дочь!»

— Все равно, какая разница?

Спи, мой мальчикъ, скоро ночь.

ЖЕМЧУГЪ.

Я былъ измученъ и простуженъ,
Но въ зимній вечеръ, у окна,
Впиваль тревожный блескъ жемчужинъ,
Пьянѣя, словно отъ вина.

Я цѣлый день бродилъ безъ цѣли.
И вотъ теперь, почти во снѣ,
Въ мельканьи снѣговой кудели
Магнитъ камней открылся мнѣ.

И у витрины ювелира,
Забывъ убогую судьбу,
Я сотворилъ себѣ кумира
На плюшѣ цвѣта марабу.

На видъ не баринъ я богатый.
И дворникъ, хмурия низкій лобъ,
Толкнулъ меня ребромъ лопаты
И снова взялся за сугробъ.

Приказу грубому покоренъ,
Ушелъ я, голову сходя.
Но томный блескъ жемчужныхъ зеренъ
Всю ночь преслѣдовалъ меня.

Д О М А.

Я все грѣюсь у печки сегодня,
Щекой къ ладони припавъ.
Кошка, какъ старая сводня,
Льстиво гладить рукавъ.

Что мнѣ дѣлать — не знаю:
Читать-ли, писать-ли, пѣть?
Или напиться чаю?
Или въ петлѣ висѣть?

Вечеръ безумно дологъ.
Вышиванье лежитъ на полу.
Цѣлую пачку иголокъ
Отдала я кошкѣ Лулу.

Пусть узнаетъ, что иглы злѣе,
Чѣмъ ея когтей остріе...
Хоть-бы ночь прошла скорѣе,
И утихло-бы сердце мое.

Мой другъ вернется изъ клуба,
Когда встанетъ разсвѣтная тишь.
Мою руку онъ стиснетъ грубо
И скажетъ: «Опять не спишь?»

И, не смѣя шепнуть отвѣта,
Я отъ радости буду блѣдна.
Я снесу къ дверямъ кабинета
Нагрѣтаго рюмку вина.

А когда на кушеткѣ турецкой
Онъ заснетъ, безпокоенъ и золь,
Я заправлю лампадку, какъ въ дѣтской,
И поставлю на письменный столъ.

СЕРДЦА ВЪ ОГНѢ.

КАКЪ РЫБАКЪ.

Вы мнѣ прислали книгу, и на ней
Тропическій цвѣтокъ въ зеленой ватѣ.
Развернутый, онъ сталъ еще нѣжнѣй,
Какъ ландышъ, выросшій на лунномъ скатѣ.
И былъ онъ отданъ долгому удушью,
Безъ ясныхъ росъ и солнечныхъ лучей.
На переплетѣ надпись черной тушью:
«Я вѣчно жду. Когда-жъ придетъ мой часъ,
Я душу, какъ и онъ, отдамъ за Васъ,
Отдамъ за Васъ, Освальда!»
(И дрожь была въ карандашѣ).
А въ книгѣ былъ рассказъ Уайльда:
«О рыбацѣ и о его душѣ».
Но сказку о наядѣ желтокудрой
Я не прочла. И даже не прочту.

А тотъ цвѣтокъ убила желтой пудрой
И ни на мигъ не поднесла ко рту.
И только въ полночь, сидя въ царской ложѣ,
Одѣта въ бѣлый мѣхъ и черный газъ,
И въ бѣлый мѣхъ, бѣлѣй чѣмъ кудри скальда,
Я вспомнила: «Когда-жъ придетъ мой часъ,
Я, какъ рыбакъ, умру, Освальда!...»

Мартъ 1912 г.

БЫВАЮТЪ ДНИ.

Я прячу письма отъ знакомыхъ женщинъ,
Ихъ легкій смѣхъ и бальную тоску,
Въ шкатулку, что досталась мнѣ отъ дѣда.
На днѣ ея — нагая Леда,
Пастелью на шелку.
Шкатулка пахнетъ старыми духами,
И запахъ ихъ неуловимъ.
Она скрываетъ всѣ мои капризы,
Мои провалы, финиши и призы,
Какъ я влюбленъ и какъ любимъ.
Когда окно въ полночномъ снѣгѣ тонетъ,
И надъ тахтой дымокъ сигары синь,
Читаю письма я изъ стеганной шкатулки,
Отъ двухъ сестеръ, отъ двухъ больныхъ гра-
финь,
Живущихъ въ Смирнѣ, въ узкомъ переулкѣ.
Когда мой телефонъ молчитъ среди гардинъ,
Лакей ушелъ, и кошка на охотѣ,
Всѣ письма женщинъ, въ блѣдной позолотѣ,
Прелестно лгутъ. И я одинъ-одинъ...
Но два письма, единственныхъ, безумныхъ,
Я положилъ въ сафьяновый Коранъ.
Бываютъ дни: я боленъ, счастливъ, пьянъ,
Я такъ томлюсь, какъ плѣнная вода, —
Но ихъ я не читаю никогда.

МЕЗАЛЬЯНСЪ.

Въ морскомъ заливѣ спятъ жемчужины,
Въ моей душѣ — твои глаза.
Позволь стихами неумѣлыми,
Но все-же звонкими и смѣлыми,
Сказать тебѣ, что мной заслужена
Твоя дрожащая слеза.
И ты права, моя прелестная,
Когда ты плачешь въ часъ ночной.
Дороги наши строго смѣрены.
Опекуны твои увѣрены,
Что ждетъ тебя судьба извѣстная,
Что не бывать тебѣ за мной.
Пусть будетъ такъ. Въ любви страданіяхъ
Нѣтъ болѣ стойкаго, чѣмъ я.
Семинаристъ съ гитарой нѣжной
Княжнѣ не пара бѣлоснѣжной.
Моя царица, до свиданія.
Прощай, до Радостнаго Дня!

СЛАВА.

Я пришелъ къ ней, усталый отъ славы.
Я сказалъ: «Сбылись мечты».
Она улыбнулась: — Вы правы.
Отвѣтила «Вы», а не «ты».
Было тихо въ натопленной спальнѣ,
Въ свѣтломъ кранѣ пѣла вода.
Ни единое рукоплесканье
Не нарушило это молчанье,
Не домчалось со сцены сюда.
Я упалъ у кровати красной,
Я ужъ не былъ счастливъ никакъ.
И конецъ одѣяла атласный
Покрывъ театральный мой фракъ.
Великіе лавры артиста
Уже я не помнилъ въ тотъ мигъ.
Было тихо, тепло и душисто,
И бѣлѣлъ раскрытый дневникъ.

Въ потокъ словъ и нѣжныхъ интонацій
Вашъ голосъ я забылъ и потерялъ,
Какъ бабочку среди цвѣтовъ акацій,
Какъ ноту, увлеченную въ хораль.
Вашъ тихій смѣхъ и робкіе напѣвы
Я въ памяти, увы, не сохранилъ.
Но я бы отдалъ все, чтобъ видѣть, гдѣ вы,
Чтобъ знать, во власти чьихъ вы силъ.
А, впрочемъ, нѣтъ! Вѣдь если васъ увижу,
Я не смогу не быть самимъ собой.
Я рядъ красивыхъ лживыхъ словъ нанижу:
Что я люблю; что я гонимъ судьбой...
Но все неправда. И пустыя бредни
Мнѣ жалать сердце, какъ пчелиный рой.
Вы мой цвѣтокъ. Вы мой цвѣтокъ послѣдній,
Окутанный прощальною зарей.
Я не зову васъ. Не ищу я встрѣчи.
Въ вечерній часъ вашъ профиль не черчу.
Лишь мысленно цѣлую ваши плечи,
И это все, чего отъ васъ хочу.

Книга пахнетъ духами,
Или пахнуть сами слова.
Я бы такъ хотѣла быть съ вами.
Я одна. Болить голова.
Отъ легкихъ касаній мигрени
Въ ушахъ и шепоть, и звонъ.
И вечеръ совсѣмъ осенній.
И вечеръ въ меня влюбленъ.
У него музыкальные пальцы.
Онъ играетъ на стеклахъ окна.
Онъ играетъ, и падаютъ капли,
Точно слезы на старыя пальцы.
Гдѣ вы? Что вы? Вы рыцарь-ли? Рабъ-ли?...
Я сегодня опять влюблена.

ЛЕГКОМЫСЛЕННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Тонкій мальчикъ, брось свои браслеты,
Брось и синій карандашъ для глазъ.
Не носи на цѣпкѣ амулеты:
Не спасутъ они въ безумный часъ.
Не пиши, какъ было много разъ,
Неприличныхъ фразъ внутри кареты.
Ты напрасно красишь ротъ свой узкій:
Онъ и такъ прелестенъ, гордъ и золъ.
Дамъ тебѣ читать романъ французскій
И надѣну вытканый камзолъ.
Приходи. И въ наши вечера
Я внесу одну больную грезу.
Примешь ты застѣнчивую позу
На бурбонскихъ лиліяхъ ковра
И, нагой, безъ пудры и безъ грима,
Мнѣ напомнишь первую любовь
И про то, какъ я была любима.
Но смѣшно: старуха и юнецъ
Разыграютъ, словно пантомиму,
То, что только разъ даетъ Творецъ...

ПЕЧАЛЬНОЕ ВИНО.

Поздно возвратилась я вчера.
Длинный дождь метался за окномъ.
Изъ афиши, взятой въ Орéга,
Я скатала плотный влажный комъ.
Я устала. Значить я стара...
Помню очень смутно нашъ кутежъ.
Мы съ тобой сидѣли, какъ враги.
Дама, съ тонкимъ профилемъ ноги,
Выломала жемчугъ изъ серьги.
Я спросила: «Завтра ты придешь?»
Опустивши жемчугъ въ свой бокаль,
Дама (я не знаю, кто она)
Запищала: «Кто моимъ здѣсь сталъ,
Выпить все до дна!»
Кто-то выпилъ. Кажется, не ты.
Дымъ сигаръ завился въ сизый крестъ.
Юношѣ ты приколотъ цвѣты
И сказалъ: «Вы мой Орестъ».
Мнѣ же крикнулъ, бросивъ вялый листъ,
Щуря глазъ, синѣ цвѣта льна:
«Ты сидишь, какъ будто ты больна.
О, Madame, у васъ vin triste!»

А потомъ — нечистый кабачекъ.
Ты танцуешь танецъ живота.
Бутоньерка — луковый пучекъ.
Блѣдный потъ на нѣжныхъ створкахъ рта.
Я не помню, правда или нѣтъ,
Будто возвращалась я одна,
И въ автомобилѣ даже пледъ
Пропитался запахомъ вина.

Парижъ.
Январь 1913 г.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Я пришла испытывать счастья.
На красный цвѣтъ и зѣло
Все время стала класть я,
Отводя отъ плеча перо.

За мной стоялъ, улыбаясь,
Мой другъ, съ брилльянтомъ въ кольцо.
Онъ смотрѣлъ, какъ я зажигаюсь,
Какъ держу ладонь на лицѣ.

А когда моихъ денегъ не стало,
Свой бумажникъ онъ отдалъ мнѣ.
Я смѣялась и часто дышала,
Какъ, однажды, на дикомъ конѣ.

Мой платокъ запахъ незнакомо,
И ногти стали краснѣй.
Въ портмонѣ моемъ, цвѣта рома,
Отъ бумажекъ стало тѣснѣй.

И когда крупье мнѣ подвинулъ
Послѣдній столбикъ монетъ,
Онъ особенно бровью двинулъ.
И блеснулъ мнѣ внезапный свѣтъ.

Это былъ незабвенный, о, Боже,
Неповторный рисунокъ бровей
И крупье содрогнулся тоже
И сталъ полотно бѣлѣй.

Точно видѣлъ на мнѣ, коготкѣ,
Пелеринку и бантъ косы;
Точно вспомнилъ дѣвушку въ лодкѣ
И ландышъ, полный росы.

Блѣденъ ты, какъ отъ проказы,
Мой прекрасный первый «онъ»!
Я люблю чужіе алмазы,
Ты — чужого золота звонъ.

СЕРДЦА ВЪ ОГНѢ.

Двусмысленный сонетъ, и злой, и нѣжный,
Я шлю тебѣ издалека.
Онъ жѣстокъ, какъ песокъ прибрежный,
И ласковъ, какъ моя рука.

Въ разрозненномъ старинномъ альманахѣ,
Въ виньеткѣ изъ сердецъ въ огнѣ,
Среди совѣтовъ юной пряхѣ,
Сонетъ до дна открылся мнѣ.

Прочти и ты. Въ любви его двуликой
Узнаешь ты знакомый ядъ,
И скорби нѣжной и великой
Необъяснимый ароматъ.

Мой милый другъ! Въ забытомъ альманахѣ
Нашъ путь предсказанъ намъ судьбой.
Прочтя стихи, ты скажешь въ страхѣ:
«Вѣдь это мы! Вѣдь это мы съ тобой...»

ЛЮБОВЬ АКТРИСЫ.

„То не ели, не тонкія ели...“

А. БЛОКЪ.

То не слезы о часѣ позорномъ,
То не слезы, актриса, твои.
То жемчужины въ бархатѣ черномъ,
Окропленныя пѣной Аи.

Обмороченный снѣжной истомой,
Въ полутьмѣ театральныхъ сѣней
Не нашелъ я ротонды знакомой,
И никто не сказалъ мнѣ о ней!

Но потомъ, въ безпорядкѣ уборной,
Все я понялъ и все угадалъ.
Этотъ жемчугъ на скатерти черной,
Этотъ мелко-разбитый бокалъ...

То не слезы несслыханной боли,
То не слезы, актриса, твои:
Межъ обрывковъ разорванной роли
То жемчужины въ пѣнѣ Аи.

ЧУЖАЯ РАДОСТЬ.

Мѣсяцъ потерялъ свой блескъ въ туманѣ,
Точно серпъ, забытый на лугу.
Кто-то стройный, въ черномъ макферлантѣ,
Имя женщины чертилъ въ снѣгу.

Въ синей дымкѣ зимняго разсвѣта
Рисовались смутно у стѣны
Блѣдный профиль, рукоять лорнета
И високъ съ налетомъ сѣдины.

Я прошла и тайно загрустила
Отъ того, что имя не мое;
Что не я любовью заострила
Этой гибкой трости острие.

САМАЯ БЛИЗКАЯ.

Женѣ 3.

Я не внялъ мольбѣ усталой
    За окномъ.
Я не снялъ фуражки алой
    Съ галуномъ.
То окошко мной любимо
    Съ давнихъ поръ.
Каждый день иду я мимо
    Въ звонѣ шпоръ.
Каждый день спѣшу въ казармы.
    Сонъ гоня.
И всегда цвѣты изъ Пармы
    Ждутъ меня.
Мнѣ киваютъ, улыбаясь,
    Какъ царьку.
Я иду, не прикасаясь
    Къ козырьку.
Но порой въ оконной нишѣ
    Чья-то шаль.
И тогда иду я тише,
    Глядя въ даль...
И, боясь смотрѣть въ печальное
    Лицо,
Я кусаю обручальное
    Кольцо.

ДАМА ВЪ ЛОЖЬ.

Трепещетъ вѣрь въ ложѣ темной,
Какъ дикій лебедь взаперти.
Горитъ рубинъ на шеѣ томной,
Готовый кровью изойти.

Въ нагрѣтой залѣ театральной
Клубится воздухъ въ вышинѣ,
И люстра кажется печальной
Въ полупотушенномъ огнѣ.

Вблизи меня дрожать браслеты
На тонкой дѣвичьей рукѣ.
Я слышу робкій шепотъ: «Гдѣ ты?»—
Какъ шелестъ лилій на рѣкѣ.

Но я молчу въ тоскѣ глубокой
И, какъ магнитная игла,
Я тяготею къ той, далекой,
Ко взмахамъ бурнаго крыла.

Безумный, страстный и покорный,
Поетъ на сценѣ Лоэнгринъ.
И бьется въ ложѣ вѣрь черный,
И тускло свѣтится рубинъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВЪ СЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ

Круглый портретъ	7
Востокъ	9
Осень	11
Сказки	12
И у меня есть садъ...	14
До свиданья, луна.	16

ЧАРОВАТЕЛЬ

Туманъ	21
У антиквара	22
Фобургъ	23
Укротительница	24
Дебютъ	25
Мальчикъ со скрипкой	26
Синема	28
Выставка	29
Алло!	30
Старый принцъ	31
Мюссэ	32
Версаль	33

РАЗСЫПАННЫЙ БИСЕРЪ

Химера	37
Севильская дама	39
Читая Гамсуна	40

Море.	41
Кавалеръ луны.	42
Петроній	44
Римъ.	46
Осень.	47
Раны Версаля.	48

САМОЕ БЛИЗКОЕ

Три снѣга.	51
«Мѣсяцъ въ деревнѣ»	54
Чехоль.	55
Въ гостиницѣ	56
Деревенскій праздникъ. . . .	57
Цыганскій романсъ	58
Наколка.	59
Моя дѣвочка.	61
Жемчугъ	62
Дѣма.	63

СЕРДЦА ВЪ ОГНѢ

Какъ рыбацъ.	67
Бываютъ дни.	69
Мезальянсъ.	70
Слава.	71
Въ потокъ словъ...	72
Книга пахнетъ духами... . . .	73
Легкомысленное стихотвореніе.	74
Печальное вино.	75
Первая любовь.	77
Сердца въ огнѣ.	79
Любовь актрисы	80
Чужая радость	81
Самая близкая	82
Дама въ ложѣ	83